

Погода стояла на редкость ясная. В лазурной вышине, подобно ленивой овечке, застыло одинокое пушистое облако.

Легкий ветерок колыхал бескрайние леса равнины, шелестел прибрежной травой, в которой то и дело мелькали спины пасущихся коров и овец, и пробегал по деревянным хижинам деревушки, раскинувшейся на пологом склоне холма. Ветер подхватывал величавые напевы священной песни, разносившиеся над селением, и уносил их далеко-далеко.

Под раскидистой кроной огромного дерева сидел старый, испещренный глубокими морщинами шаман. Его лоб украшал венец из звериных клыков. Величавым, ровным голосом он воспевал духов предков. Перед ним, скрестив ноги на траве, благоговейно застыли семь или восемь подростков в грубых холщовых одеждах и с такими же ожерельями из клыков на шеях. Держа в руках книги, они внимали каждому слову, купаясь в лучах славы древних прародителей.

Линь Чжао был среди них самым юным. Черты его лица уже обещали стать мужественными и резкими, хотя на подбородке еще сохранялась детская припухлость, а короткие волосы на макушке упрямо топорщились непослушным вихром, шутливо трепетавшим на ветру.

На фоне остальных ребят, чья кожа успела приобрести дикий, бронзовый оттенок, Линь Чжао казался белым, как зажатая в руках костяная книга. Пятна солнечного света, пробивавшиеся сквозь листву, ложились на его плечи, отчего кожа его, казалось, испускала мягкое, едва уловимое свечение.

"Кажется, никто не замечает во мне ничего странного."

Линь Чжао осторожно опустил на колени тяжелую Книгу из белых костей — весила она никак не меньше пяти килограммов — и незаметно размял затекшие, ноющие плечи. Подобно легендарному господину Наньго, который лишь делал вид, что искусно играет на свирели в оркестре правителя, Линь Чжао приноровился вовремя подхватывать песнопения. Стоило шаману возвысить голос, прославляя могущество предков, как юноша вместе со всеми истово выкрикивал:

— В бой! В бой! В бой!

Или взрывался слаженным хором:

— Великий ветер! Великий ветер!

— Божественная сила!

Всё это придавало таинству еще больше суровости и торжественности.

"Вот же попал..."

Кто бы мог подумать, что, даже не дождавшись конца летних каникул, ему придется примерить на себя роль нерадивого студента, усердно делающего вид, что он прилежно учится.

Линь Чжао мысленно стонал от тоски. Три года каторжной учебы, горы тестов и сборников задач... Буквально несколько дней назад он с невероятным трудом преодолел главное испытание своей жизни — единый госэкзамен, отгремевший седьмого и восьмого июня. И пускай о Пекинском или Цинхуа мечтать не приходилось, проходной балл в приличный вуз первой сотни у него был в кармане, а при удачном раскладе светил даже престижный университет из топ-списка.

Светлое будущее махало ему рукой с порога, как вдруг — бац! — и он провалился в этот мир.

Вспоминая события позавчерашнего дня, Линь Чжао до сих пор задыхался от обиды. Ну за что?!

Он всего лишь ехал на велосипеде в родную деревню проведать родню. Сперва на пустой проселочной дороге ему чудом удалось увернуться от внезапно потерявшего управление грузовика-самосвала. Только он перевел дух и заподозрил неладное, как прямо перед ним сошел оползень — и эту смертельную ловушку он тоже каким-то чудом обогнул. Юноша уже мысленно возблагодарил судьбу, решив, что после таких испытаний его точно ждет великое счастье, и с любопытством поднял глаза на горный хребет... И тут прямо из космоса прилетел чертов метеорит! Стоило задрать голову, как космический гость безжалостно оборвал его земное существование.

Небеса сыграли не по правилам! Напали исподтишка, коварно, без предупреждения. Да у него просто слов не было от возмущения!

Очнувшись от этого кошмара, он обнаружил себя лежащим на соломенной подстилке в глинобитной хижине посреди незнакомого селения. Переселился!

Вот только переселение вышло каким-то половинчатым.

Если это перенос физического тела, то почему на нем красовалось ветхое рубище, а все вокруг величали его «А-Чжао» и относились как к старому знакомому? К тому же он без труда лопотал на местном наречии, которого отродясь не слышал.

Но если это переселение души, то откуда на его пальцах взяли застарелые мозоли от шариковой ручки? Откуда эта белая, изнеженная кожа, не видевшая солнца за три года подготовки к экзаменам, и ровные, чистые зубы? Все эти детали разительно отличали его от здешних суровых и грубых дикарей.

Но по-настоящему жутко ему стало в первый же день. Поддавшись панике, Линь Чжао выбежал на улицу и на первом же перекрестке наткнулся на шамана — того самого, что сейчас вещал под деревом. Старик стоял у костра, сжимая в руках костяной посох. С абсолютно

бесстрастным лицом он вытягивал из обугленного, облепленного остатками плоти костяка нечто полупрозрачное и извивающееся. Эта штука смутно походила на человека, а выражение неопишемого ужаса и муки на ее лице казалось пугающе отчетливым. Существо беззвучно билось и кричало, пока череп, венчающий наверхие посоха, не разинул пасть и со свистом не затянул его внутрь.

Поглотив эту субстанцию, до дрожи напоминающую человеческую душу, череп на посохе щелкнул челюстью и трижды издал утробный, леденящий душу хохот:

— Кхе-кхе-кхе...

Линь Чжао тогда прямо на месте оцепенел от ужаса.

К счастью, почтенный шаман не обратил на него никакого внимания. Даже не взглянув на застывшего юношу, он молча поднял тяжелый посох и неторопливо удалился.

Лишь когда силуэт жреца скрылся из виду, Линь Чжао смог пошевелить ватными ногами. Кое-как доковыляв до своей хижины, он заполз внутрь. Все мысли о том, чтобы расспросить местных, перерыть вещи в поисках разгадок, исследовать окрестности или совершить какой-нибудь подвиг, разом вылетели у него из головы.

Он банально струсил.

К счастью, никто из жителей деревни не заметил его странного поведения.

Да и сегодняшний день прошел спокойно: знай себе сиди под деревом да слушай заунывные напевы. Задача не из трудных.

Подумав об этом, он снова опустил взгляд на тяжелый фолиант на коленях.

Эта Книга из белых костей была собрана из массивных пластин, напоминающих гигантские раковины, и скреплена толстыми медными кольцами. Вырезанные на кости знаки походили на причудливые естественные узоры. Хотя воспоминания Линь Чжао все еще оставались путанными, он без труда понимал эти письмена — знание языка словно было вписано в саму его плоть и кровь.

Книга называлась «Великие деяния У Сяня» и представляла собой нехитрое повествование о древних временах. Первая глава гласила, что в глубокой древности Огненный император Янь-ди и Желтый император Хуан-ди сошлись в великой битве с шаманским богом Чию. Потерпев поражение, Чию принес себя в жертву, чтобы выиграть время. Благодаря этому двенадцать великих шаманов племени Цзюли успели воздвигнуть массив Дутянь. Могущественное заклинание раскололо земную твердь, отделив земли Цзюли от великого мира гор и морей. В то же самое время великан Куафу пустился в погоню за солнцем, а великий стрелок Хоуи

принялся сбивать лишние светила из лука. Среди поверженных солнц уцелело лишь одно золотое яйцо. С его помощью шаманы увлекли за собой почти половину расколотых земель, забросив их глубоко в звездное море, где и зародился новый обособленный мир. С тех пор племя Цзюли навсегда избавилось от ужасов опустошительных войн и получило возможность спокойно жить и процветать.

Двенадцать великих шаманов увели свои кланы в этот уединенный край и воздвигли величественные города. Они стали Двенадцатью Хранителями Часа — божествами, что правят здешними землями, повелевают временами года и по праву считаются владыками всего сущего.

"Значит, это предыстория... А где все остальное? Ведь с тех пор прошли десятки тысяч лет!"

Линь Чжао мысленно ворчал. Будучи страстным любителем древней истории и культуры, он полностью прочитал фолиант в первый же день. Однако книга ограничивалась лишь этими легендами, да и шаман изо дня в день твердил одно и то же. Куда же подевались хроники последующих тысячелетий? Столь массивный фолиант был заполнен едва ли на десятую часть, все остальные страницы сияли девственной белизной. "Они что, специально оставили пустые листы, просто чтобы развивать мускулатуру у учеников?"

Тем временем старый жрец закончил славословие в честь древних героев. Высоко подняв костяной посох, он благоговейно простерся ниц, обратившись на юг — в сторону Хранителя часа середины лета, владычествующего над шестым месяцем. На этом сегодняшние занятия завершились.

Повторив ритуал вслед за остальными учениками, Линь Чжао бережно прижал к груди Книгу из белых костей и вместе со всеми потянулся к полыхавшему на окраине деревни костру. Там как раз собирались делить тушу дикого зверя Бо. Внешне эта тварь походила на белоснежную лошадь, но пасть ее была усажена острыми акульими зубами.

Белая шкура зверя, снятая целиком, уже висела на деревянном шесте неподалеку. Сама же туша, сочившаяся соком над углями, щерилась расколотым черепом с выбитыми клыками — судя по всему, хищнику просто разmozжили голову голыми руками.

Рядом безмолвно застыли пять мускулистых охотников в масках из звериных черепов. Почтительно поклонившись жрецу, один из них протянул ему обеими руками бронзовый нож для разделки мяса.

Приняв клинок, шаман принялся за работу. Самые нежные куски он отдавал немощным старикам, жесткие голени — сильным воинам, а питательные потроха — малым детям. И хотя порции заметно отличались размером, никто из сотни собравшихся жителей деревни не посмел высказать недовольства. Авторитет жреца был непререкаем.

Очень скоро от огромного зверя остался лишь голый остов.

Линь Чжао достался кусок задней ноги весом около полукилограмма. Мясо, поджаренное лишь слегка, сочилось сукровицей и пахло дымом. Ни соли, ни специй на нем не было.

"Сойдет за стейк слабой прожарки."

Линь Чжао жадно вгрызся в кусок. Оказавшись в этом диком мире в самом голодном возрасте, он ни маковой росинки не держал во рту больше суток. Сейчас он сожрал бы это мясо даже сырым, не поморщившись от нехватки соевого соуса.

Но пресное на первый взгляд мясо оказалось на удивление вкусным. Сочное, нежное, волокна приятно пружинили на зубах, а в самой мякоти явственно ощущался приятный солоноватый привкус и тающие крупинки нежного жира.

От восторга у Линь Чжао едва не покатились слезы.

За весь этот бесконечно долгий и пугающий день вкусная еда стала для него вторым настоящим утешением.

В несколько укусов покончив с ужином, Линь Чжао тоскливо посмотрел на высившийся скелет. Эти кости позже пойдут на гадания, вырезание оберегов, наконечники для копий и швейные иглы. Ему безумно хотелось подобраться к хребту и высосать питательный костный мозг, но невероятным усилием воли он заставил себя отвести взгляд. Местные поверья гласили, что в костном мозге обитает дух зверя, и трогать его запрещалось, пока шаман не проведет вечерний ритуал извлечения...

Когда трапеза завершилась, люди побрели по своим жилищам. Линь Чжао затерялся в толпе и вскоре подошел к собственному дому.

Его жилище заметно отличалось от остальных построек. В то время как другие ютились в неказистых деревянных избах, его дом был выложен из ровных известняковых плит и формой напоминал безупречный белый куб — настоящее произведение искусства на фоне дикой деревни. Даже дверной проем украшала массивная резная голова неведомого однорогого зверя.

Внутри его ждал гладкий каменный пол и сплетенный из прочных лиан гамак, подвешенный к потолку. Больше в комнате не было ничего. Назвать это убогое убранство спартанским было бы крайним преувеличением.

Прислонив Книгу из белых костей к стене, Линь Чжао глубоко вздохнул, уселся на холодный пол и прикрыл ладонью глаза.

В то же мгновение перед его внутренним взором вспыхнула алая полоса загрузки.

Шкала замерла на отметке в девяносто девять процентов. Чуть ниже мерцали угловатые символы, похожие на гадательные руны, которые его разум безошибочно переводил в привычные строчки:

[Симулятор жизни: идет накопление энергии]

[Оставшееся время: 15 минут 23 секунды]

Но все это не имело ровным счетом никакого значения!

Сердце Линь Чжао застучало быстрее, а на щеках проступил едва заметный румянец.

Вот он — главный козырь его новой жизни, то единственное, что помогало ему сохранять рассудок среди этого первобытного кошмара.

Его Система! Еще немного, и она активируется!

"Подумаешь, осколок великого мира! Как там говорится? Тридцать лет к востоку от реки, тридцать лет к западу... Погодите у меня. Вот стану великим первородным шаманом, познаю законы пустоты и лично верну этот мир на его законное место!"

"Взойду на вершину шаманского пути, отринув законы вселенной! Пока жив Линь Чжао — небеса склонятся пред ним!"

<http://bllate.org/book/20648/2105674>